

Е.С. Никитина

Институт языкознания Российской Академии Наук, г. Москва

E.S. Nikitina

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow

ТЕКСТ КАК ЕДИНИЦА СМЫСЛОГЕНЕЗА TEXT AS A UNIT IN THE SENSE GENERATION

Ключевые слова: текст, субъект, смысл, самоадресация, понимание, знак

Keywords: text, subject, sense, himself addressing, comprehension, a sign

Смысл раскрывается лишь «письменному» человеку в качестве опоры в коммуникативном взаимодействии. При этом, текст как носитель смысла, может быть изучен с трех сторон: как инструмент, как предмет и как субъект коммуникативного взаимодействия. И только в качестве знака с собственным содержанием текст, вступая в диалог с иными текстами, обнаруживает свою целостность, свои собственные намерения.

The sense is revealed only a "written" person as a support in the communicative interaction. In this case, the text as a medium of sense can be studied from the three sides: as a tool, as an object of knowledge, and as the subject of communicative interaction. And just as a sign with his own content text, engaging in dialogue with other texts, finds its integrity, its own intentions.

*«Мы стоим только на пороге науки,
которой еще предстоит быть созданной
– науки понимать».*

Из идей, витающих в воздухе

Смысловая сфера сознания – образование позднее и не единственное в качестве регулятивной системы в человеческой жизнедеятельности. Человек, находящийся в состоянии выбора, имеет не один способ организации своего поведения. Так, традиционная, устная культура, ориентированная на будущее, огромное значение придавала предсказаниям, гаданиям и пророчествам. Принесение жертвы, в качестве футурологического эксперимента, всегда было связано с обращением к божеству в осуществлении выбора. Однако само состояние выбора уже означало отказ от обычая, от утвержденной веками роли. Приметы же и предсказания, прогнозируя будущее, связывали функцию выбора с коллективным опытом, оставляя отдельной личности открытое и решительное действие.

«Коллективное понимание», когда имеется однозначно сформулированный алгоритм действия – привычная схема – не требует осмысления своего содержания. Человеку достаточно *узнавать* определенный социальный контекст, чтобы начать вести себя в нем

соответствующим образом. Еще Ф. Энгельс отмечал, что возможны целые периоды познавательной деятельности, когда «большинство людей дифференцирует и интегрирует не потому, что они понимают, что` они делают, а просто потому, что верят в это, так как до сих пор результат всегда получался правильный» (Энгельс, 1954: 89).

Смысловые же отношения возникают как отношения «целевые», в противоположность предметным отношениям. Здесь связь предмета действия – его цели и того, что побуждает деятельность – ее мотив, впервые открываются субъекту. Сначала она открывается ему в непосредственно чувственной своей форме – в форме деятельности человеческого трудового коллектива. По мере же усложнения жизнедеятельности общества эту связь необходимо восстанавливать через акты понимания. Однако самый важный, решающий шаг оказывается уже сделанным. Деятельность людей отделяется в их сознании от предметов. Она начинает сознаваться ими именно как их отношение. А предмет может выделяться среди прочих предметов действительности не только практически, как предмет потребности, но и «теоретически», как возможность потребности, т.е. может быть удержан в сознании, может стать «идеей». Понимание есть такая функция сознания, которая восполняет отдельное действие до целостного образования - деятельности. Это акт овладение духовными смыслами*, теми началами в предметах и явлениях культуры, которые не даны нам в ощущениях.

Единственный способ овладения смыслами – их понимание. Здесь сразу возникает ворох вопросов: что такое целостное образование, существует ли единый образ целостности на разных уровнях отражения. Например, есть целостность образа (зрительного, слухового, обонятельного), целостность чувства, и целостность действия, понятия, идеи.

Во всех случаях понимание должно выстраиваться по подобию того рода взаимодействия, которое требует смысловая определенность заданной сферы. Например. Понимание устройства машины: собрал – разобрал, если лишние детали не остались, значит - понял, как она устроена. Целостность здесь задается самим объектом познания. В деятельности целостность уже имеет двойную детерминацию: по логике объекта и по логике субъекта взаимодействия. Требуется согласованность этих логик. В коммуникации, в диалоге, детерминация происходит по логике взаимодействия двух субъектов. Коммуникативное понимание - более сложный процесс, чем понимание чисто познавательное, так как требует от человека согласованности по трем составляющим взаимодействия: этоса, пафоса и логоса. Поясним это. Если человек в коммуникации относится к другому как к субъекту (S-S взаимоотношения), а не как к объекту (манипуляции, иерархические отношения), то он признает за другим право на собственную точку зрения. Он вступает с ним с диалогические отношения. И только последние предполагают соучастие в коммуникативном действии, учет точки зрения другого, а, следовательно - ее понимание.

Опора на понимание при принятии решений – результат длительного развития мышления. Подтверждение этому положению мы находим в теории

мышления, разработанной Л. Веккером. В разделе, посвященном феномену понимания, Л. Веккер пишет, что понимание в его внутренней специфичности является характеристикой собственно мыслительной. Процесс восприятия и образ как его результат также сопровождается пониманием (или непониманием) и даже может существенно зависеть от понятности или непонятности воспринимаемого. Но в принципе, в оптимальных условиях, адекватный перцептивный образ с его основными характеристиками – пространственно-временной структурой, модальностью, интенсивностью, константностью, целостностью и даже собственно перцептивной обобщенностью может быть сформирован и без понимания. Понятной или непонятной может быть также своя собственная или чужая эмоция. Но непонятная эмоция не перестает быть эмоцией как «психической реальностью», так же как непонятный перцептивный образ не перестает быть образом во всей его основной психологической специфичности. «В отличие от этого непонятая мысль, если в ней действительно отсутствуют даже проблески понимания, перестает быть мыслью в ее специфическом качестве и может быть только механически воспроизведенной, что как раз и означает, что в этом случае от нее остается лишь пустотелая речевая оболочка. Жизненная практика, в частности, и в особенности практика клиническая и педагогическая, ясно свидетельствует о том, что такой «речевой труп» мысли является, к сожалению, еще достаточно распространенной реальностью. Это выражено, в частности, в такой тяжелой «педагогической болезни», как зубрежка» (Веккер, 1976: 79). Без понимания нет мысли в ее психологической специфичности.

Схематическое описание основных характеристик понимания, таких как: «синтетический инсайт», сочетание пространственно-структурных и символически-операционных компонентов мысли в феномене понимания, наличие операционных компонентов понимания, понимание как инвариант вариативных характеристик мысли, мера переноса, или транспонируемости, инвариантного отношения, выраженного данной мыслью, соотнесение их с эмпирическими характеристиками мыслительных процессов позволили Л.М. Веккеру выдвинуть следующую гипотезу: «Мышление как процесс представляет собой непрерывный обратимый перевод информации с языка симультанно-пространственных предметных гештальтов, представленных образами разных уровней обобщенности, на символически-операторный язык, представленный одномерными сукцессивными структурами речевых сигналов. Отдельная же мысль как структурная единица и результат мыслительного процесса в ее психологической специфичности представляет психически отраженное отношение как инвариант обратимого перевода с одного языка на другой» (Веккер, 1976: 136).

Непонятность в этом случае, в отличие от простой неизвестности искомого отношения, получает свое объяснение как выражение рассогласованности обоих языков мыслительного процесса. Либо искомое соотношение выделено на словесном языке, но не имеет предметного пространственно-структурного эквивалента (человек не может себе

представить того, о чем говорит). Либо, наоборот, имеется образная предметно-структурированная схема возможного решения, не поддающаяся, однако, переводу в словесную формулировку, выделяющую соответствующее отношение, скрытое в этой предметной структуре, и воплощающую его в символически-операторном языке (человек не может сказать себе, в чем состоит искомое отношение, потенциально представленное в той предметной структуре, которую он, однако, себе представляет). В обоих случаях, осмысливание проблемности ситуации как понимание непонятности психологически определяется взаимной рассогласованностью обоих языков мышления в отображении искомого отношения. Собственно мыслительная операция отличается от других более общих форм межъязыкового перевода тем, что она осуществляет такой обратимый межъязыковой перевод, инвариантом которого является психически отображенное отношение между объектами мысли.

Понятность же есть субъективное выражение обратимости и вместе с тем инвариантности перевода. Это диалогическое сосуществование в тексте нескольких языков отображения означенной реальности – действительности человеческой деятельности.

Провоцирующим фактором формирования феномена понимания стало конструирование алфавита. Алфавит не только отделяет или абстрагирует друг от друга взгляд и звук, но и лишает звуковое проявление букв всякого смыслового содержания, так что «бессмысленные» буквы соотносятся с «бессмысленными» звуками. То, что языковой знак не мотивирован - произволен, по определению Ф. Соссюра, предполагает его осмысленность через включение в смысловую систему текста. Смысл раскрывается лишь «письменному» человеку в качестве «изнанки» произвольности знака. «Фонетический алфавит, отделяющий смысловое значение от звука и представляющий этот звук в виде визуального кода, и использовавшие его люди находились во власти трансформирующего их опыта. Ни пиктографическая, ни идеограмматическая, ни иероглифическая форма письма не обладали той властью, которая позволила фонетическому алфавиту лишить человека его родовой принадлежности. Никакой другой, кроме фонетического, вид письменности не выводил человека из окружавшего его мира тотальной взаимозависимости и взаимосвязи, коим являлось аудиторное сообщество. Из этого волшебного озвученного мира одновременно существующих отношений – словесно-акустического пространства – есть только один путь к свободе и независимости человека. И проложен он фонетическим алфавитом, который в то же время превращает индивидов в раздвоенных шизофреников. <...> Письменность дает людям возможность фокусировать внимание на небольшом расстоянии от образа, поэтому мы с одного взгляда способны воспринимать его в целом. Неграмотные люди не обладают этим благоприобретенным навыком, а потому не могут видеть предметы так, как видим их мы. Правильнее было бы утверждать, что они сканируют (пристально изучают) предметы и образы, точно также как мы делаем это с печатным текстом – сегмент за сегментом.

Люди, не умеющие писать, лишены беспристрастной (отстраненной или абстрагированной) точки зрения на предмет, поскольку целиком и полностью погружаются в него. Глаза используются не в перспективе, но осязательно. Евклидово пространство, предполагающее отделение зрения от прикосновения и звука, им незнакомо (Маклюэн, 2005: 55, 82).

Понимание оформляется как метод сознательной сборки технически оторванных друг от друга способов восприятия действительности. Смысл возвращал отдельные структуры в лоно целостности. «Соединив бессмысленный символ с бессмысленным звуком, мы образовали значение и создали образ западного человека» (Маклюэн, 2005: 104). Понимание становится таким способом сознательного бытия субъекта, который, осуществляя деятельность, обязан понимать свои цели и задачи.

2. Текст - всего лишь один из действующих персонажей коммуникации. Он живет в коммуникативном пространстве. Без адресата, адресанта, коммуникативного канала, коммуникативной ситуации текст не может существовать, у него нет точек опоры. Текст не просто зависит от своего окружения в коммуникации, он оформляется под его влиянием. Так, фокусировка на адресате формирует текст как воздействующее, инструментальное образование. Фокусировка на предмете – как объектное, модельное образование. Фокусировка на адресанте характеризует текст в качестве субъекта. Но еще текст может быть фокусирован сам на себя – и тогда он выступает в качестве единицы коммуникации – молекулярной** целостности.

Со времен Аристотеля текст центрировался на слушателе: он был средством, инструментом воздействия и вся его организация подчинялась этой главной функции. В античной риторике в тексте были выделены три слоя. Слой предметный, слой логический и слой языковой. Каждый имел относительную самостоятельность, позволявшую ему быть предметом анализа в особом разделе риторического канона. Предметный слой анализировался в разделе инвенции, понятийный слой в разделе диспозиции и языковой слой в разделе элокуции. Все вместе они служили оформлению текста в функциональную смысловую структуру. Следует отметить, что в каждом разделе речь шла и о разных пространствах: предметном, понятийном, речевом. Каждый раздел характеризовался своими способами работы с материалом, своей логикой описания. Движение от предметного пространства в сторону коммуникативного сообщало тексту риторическую функцию. Иные направления движений порождали такие функции текста как конденсацию информации (память), трансформацию сообщения и выработку нового содержания, актуализацию определенных сторон личности адресата, культурного контекста (Лотман, 2002: 154-161). Понимание выполняло функцию удержания целостности семиотических взаимоотношений внутри текстового пространства, иначе, смысловой наполненности текста. Изменения, в любых направлениях, вели к разрушению целостности коммуникативных взаимодействий. Поэтому, как считал Фома Аквинский, ни Сократ, ни Христос не оставили своего учения в

письменной форме, поскольку то взаимодействие умов, которое происходит в процессе обучения, недостижимо на письме. Письмо лишает слова их магической силы. «Когда слова написаны, они, разумеется, становятся частью визуального мира. Подобно большинству других элементов этого мира, слова приобретают характер статических сущностей и, как таковые, утрачивают динамизм, свойственный звуковому миру вообще и произнесенному слову в частности. Они перестают быть личностным элементом в том смысле, что услышанное слово, как правило, обращено к кому-то конкретному, а видимое не является таковым и может быть прочитано или нет в зависимости от прихоти человека. Они утрачивают эмоциональные обертоны и ударения... <...> Таким образом, можно утверждать, что, становясь видимым, слова вступают в мир, относительно безразличный для смотрящего, - мир, лишенный магической «власти слова» (Маклюэн, 2005: 51).

Распространение письма в обществе вело к переходу от представления о слове как звучащей, живой, активной, природной силе к представлению о нем как о «значении» и «смысле», которые должны пониматься. В области сознания это означало, что связанное со словом мышление отделимо от действия, не переходит в него прямо и может оставаться внутри человека. В качестве социокультурных последствий такого предположения появляется возможность, по крайней мере, в теории, игнорировать мышление.

Развитие и распространение письменности переакцентировало текст на автора. Десакрализация слова достигла апогея в Новое время с формированием многообразия специализированных дискурсов, подчас никак не связанных между собой (профессиональный дискурс в традиционном обществе не мог быть сформирован, а его тексты не могли быть прочитаны вне связи с культурообразующим текстом-мифом). Тогда же сакрально-ритуализированные практики посвящения в эзотерически-мистические знаниевые системы заменяются воспитательно-образовательными технологиями, где отбор во многом задается через способность-неспособность прочитать данный тип текста. Методологически этот посыл был оформлен в виде тезиса о независимости содержаний, как проясненного рационального мышления, так и данных (фактов) процессуально организованного опыта от средств и форм его выражения. Ведь истина независима от своего языкового оформления, другое дело, что последнее может быть более или менее прозрачным по отношению к ней.

Применительно к текстам литературы и искусства (хотя изначально это касалось почти исключительно религиозных текстов) возникла проблематика их адекватного прочтения-интерпретации не в плане репрезентирования ими реальности (тематика, монополизированная профессиональными и особенно научными дискурсами), а в плане выявления смыслов, вложенных в художественное произведение автором, то есть, их первичное понимание. Так, первый проект герменевтики Шлейермахера формулировался во многом именно как разработка методик и процедур прочтения-понимания. Дополнительный импульс исследованиям в данном направлении придала

культурная социология, предложившая трактовку чтения как специфической формы языкового общения людей, опосредованного текстами, как особой социокультурной практики. Создание буквенных алфавитов, зная которые, стало в принципе возможным прочесть любой текст, даже не понимая значений образующих его единиц – слов, выявило значимость содержания, приносимое автором текста. Уж автор непременно обязан был понимать, что и зачем он сотворил.

Революционизирующую роль в рассмотрении текста в качестве субъекта сыграли, с одной стороны, становление систем массового образования, начиная с овладения элементарной грамотностью, и развитие технико-технологических средств тиражирования текстов, позволившее решить проблему их доступности, массовизации и содержательной плюрализации, обеспечивших возможность выбора текстов для чтения — с другой. Сразу же была задана тенденция к постепенному вытеснению обязательного посредничества между письменным текстом и его адресатом. Посредник стал либо локализоваться в особых позициях, конституированных по принципу компетентности (позволяющей читать иначе, чем все остальные) и авторитетности (стоит или не стоит принимать во внимание его прочтения), либо сливаться с самим читателем (что было манифестировано, прежде всего, в протестантском тезисе об отсутствии необходимости в посредничестве в общении человека и Бога). Функции посредника берет на себя, по сути, сам читаемый текст.

К тому же, была намечена тенденция к десекуляризации процедур чтения и письма, в которых стало возможным и необходимым тренироваться для овладения их техниками, и которые стали встраиваться в профессиональные и иные прагматически ориентированные практики как их инструментальный компонент (фиксация, селекция, хранение, передача).

Техники переинтерпретаций текста через базовые составляющие коммуникации активно прорабатывались в игровых технологиях постмодернизма. Постмодернисты исходили из разработанной в структурной лингвистике концепции немотивированности означающего, его произвольности по отношению к означаемому, с которым у него нет в действительности никакой «естественной связи»; трактовки реальности мира как по преимуществу и главным образом оформляемой языком и в языке знаковой реальности, выражаемой через совокупность текстов, интертекст, гипертекст, глобальный текст. «Соответственно и человеческое сознание повествовательно по своей природе и обнаруживаемо по преимуществу и главным образом как текстовые нарративы. Мир, следовательно, открывается человеку в виде историй-рассказов о нем. Текст же приобретает смысловое единство не в своем происхождении, а в своем предназначении. Смыслы порождаются в процессе обезличенного функционирования текста, его становлении, производстве, деконструкции, интерпретации в соучаствующих актах чтения и письма как иницирующих игру означающих, как порождающих практики означивания, но не выражающих означаемое, а отсылающих к другим означающим, к их бесконечному ряду, очерчиваемому

"горизонтом" языка (письма)» (Абушенко, 2001: 966). В рамках анализа текст размыкается в коммуникации. Основная же цель актов коммуникации виделась не в обращении адресата к самому сообщению как таковому, а в тех реакциях, которые оно должно было вызвать (по замыслу) в поведении читателя. Происходило как бы возвращение к античной традиции.

В постмодернизме были сформулированы несколько исходных теоретико-методологических установок применительно к тексту. Во-первых, это отрицание единственности изначально заложенного в тексте смысла, а соответственно, и возможности единственно правильного его прочтения (тезис о децентрированности текста, потере им «трансцендентального означающего»; «центр» везде, текст можно читать с любого места); во-вторых, отрицание наличия вообще какого-либо смысла в тексте вне практик работы с ним, т. е. вне процедур чтения и письма, деконструкции и интерпретации, которые только и порождают смыслы; при этом текст, допуская любые прочтения, остается принципиально избыточным к каждому из них (принцип неразрешимости текста; смысл нельзя «снять» в гегелевском смысле слова, принцип дополнительности, отрицающий само представление о возможности полного и исчерпывающего наличия); в-третьих, утверждение того, что смысл не может быть обнаружен в тексте, а может быть туда только вложен, так как в тексте нет и не может быть никакого объективного смысла как воспроизведения внешней реальности (текст не имеет референтов вовне себя, он нереференциален); проблема поиска референтов перекладывается на читателей, в многообразии интерпретации которых порождается множество смыслов, что делает сам вопрос о референтах текста бессмысленным; в-четвертых, утверждение невозможности насильственного овладения текстом, попытка которого каждый раз повторяется при проведении над ним аналитических операций, пытающихся подчинить текст господствующим стереотипам; основанием работы с текстом является «желание»; в свою очередь, текст сам является «машиной производства желаний»; в этом ключе интерес представляет различие Р. Бартом текстов-удовольствий и текстов-наслаждений, требующих и одновременно стимулирующих разные читательские стратегии, ориентированные на «потребление» (первый случай) и «производство» (второй случай) читаемых текстов (аналогично в американской традиции различаются «наивный» и «сознательный» читатели); в-пятых, обоснование того, что как нет произведения в качестве сообщения автора, означающего его замысел, так нет и самого автора как порождающего смыслы текста (тезис о «смерти автора»); соответственно, задание тексту некоего смыслового единства — удел читателя (тем самым основные фигуранты текстовых практик — анонимный скриптор («пишущий») и безличный некто («читающий»). В коммуникативной перспективе общество перестает быть всего лишь средой обмена, где самое главное — циркулировать и заставлять циркулировать, скорее, оно представляет собой записывающее устройство, для которого основное — «метить и быть помеченным». Тем самым социальная реальность в

постмодернистской социологии осмысляется как квазизнаковая, как заговорившая реальность.

3. Текст как знак, имеющий собственное содержание. Три базовые составляющие текста, без которых он распадается в качестве целостного смыслового образования, могут быть не понятными. Каждый в отдельности. Но и в своей структурной организованности текст может быть интерпретируем по-разному только в том случае, если у него возможен не один смысл. За любым текстом, воплощающим волевой акт понимающего, стоят вопросы, ответом на которые и является сам текст. Вопросы в тексте могут конденсироваться вокруг его трех составляющих: предмета, понятия, словесного оформления. Отсюда и выводилась трехуровневая система способов понимания текста. Еще Ориген сформулировал и подробно обосновал теорию трех «смыслов». Суть его учения сводилась к утверждению, что — по аналогии с трехчастным составом человека, представляющего собою единство «тела», «души» и «духа»,— в Писании можно усмотреть «телесный», «душевный» и «духовный» смысл. А коль скоро процесс духовного совершенствования человека и человечества может мыслиться как постепенное преодоление материального начала и достижение «духовного» состояния, то, соответственно, и раскрытие подлинного смысла Писания должно подразумевать последовательный переход от «телесного» смысла к более возвышенному «душевному», а затем — к «духовному». При этом Ориген уточняет, что под «телом» Писания следует понимать его «букву», т.е. прямой и буквальный смысл сказанного в Библии, что «душевный» смысл — это нравственные наставления, содержащиеся в Писании, однако возвещаемые не в прямой и самоочевидной форме, а как бы обиняком, через подразумеваемое, и потому требующие отступления от плоского «буквального» понимания текста, и, наконец,— что «духовный» смысл Писания - это высший, мистический смысл христианского вероучения (Ориген, 1899). Впоследствии это разделение было перенесено и на другие, светские тексты. Три способа понимания — три семантические системы, которые должны быть скоординированы, соотнесены между собою, чтобы предстать смысловым целым — ликом текста.

В смысловом анализе текст, как единица коммуникации, противостоит не автору, не читателю, не предмету рассмотрения, но другим текстам. Как писал М.Бахтин: «Не может быть изолированного высказывания. Оно всегда предполагает предшествующие ему и следующие за ним высказывания. Ни одно высказывание не может быть ни первым, ни последним. Оно только звено в цепи и вне этой цепи не может быть изучено. Между высказываниями существуют отношения, которые не могут быть определены ни в механических, ни в лингвистических категориях. Они не имеют себе аналогий» (Бахтин, 1979: 340).

Итак, где должен находиться понимающий, чтобы «ухватить» смысл текста? Всё зависит от интереса или от установки понимающего. Если его занимает предмет, то понимающий находится в сфере изобразительных, описывающих данный предмет текстов — энциклопедических знаний об

образе мира. Если «логика» - то в сфере сюжетов, как логических, так и повествовательных. Банк их данных постепенно расширяется. Если язык – то в сфере элокуции, в сфере фигуративных практик паралогики. Но только в случае, когда интерес сосредоточен на самом тексте: «Творца мы видим только в его творении, но никак не вне его» (Бахтин 1979: 363), понимающий должен находиться внутри текста. Только внутренняя позиция позволяет вступать в диалог с другими текстами, вести с ними беседу. Понимание здесь противостоит рефлексии.

Текст, как предмет исследования, может рассматриваться под тремя углами зрения. Как отражение объектных отношений в мире: и тогда к нему применим естественнонаучный, в том числе и лингвистический метод анализа. Как орудие или средство взаимодействия и воздействия на других – это деятельностный, инструментальный подход. И как субъект порождения новых смыслов – это диалогический или коммуникативный подход, который формировался внутри семиотической парадигмы познания. В последнем случае текст имеет свои мотивы, смыслы, отличные от таковых у автора и у читателя (Никитина, 2011). Здесь текст самоадресуется. Будучи включенным в коммуникативные взаимодействия в качестве предмета или инструмента, текст может быть подвергнут рефлексивным процедурам: комментариям, толкованиям, интерпретированиям, как и все другие компоненты коммуникативной ситуации. Но только из внутренней, самосознающей позиции текст может быть понят (Яковлев, 1991: 63-66). В этой внутренней позиции конфигурирование смысла может протекать в трех направлениях под влиянием трех молекулярных структур текста: языка, логики, предмета. Отсюда и появляется возможность трех способов понимания: буквального, понятийного и паралогического (языкового). Но в отличие от иерархии смысловых «сгущений» текста, как то полагала герменевтика, эти способы могут находиться друг с другом в диалогических отношениях. Только коммуникативная ситуация устанавливает иерархию между ними.

Этот текстовый смысл (как и нулевой знак в семиотике) должен быть выявлен, чтобы служить опорой для последующих интерпретаций. У текста есть свой голос, свои намерения, свой смысл, не зависимый ни от автора, ни от читателей - голос самоадресации. «Как доказать гипотезу о том, что у текста есть свои намерения (*intentio operis*)? Единственным способом – показать, что текст существует только как единое целое. Эта идея принадлежит Августину (*De Doctrina Christiana*): любое толкование определенной части текста может быть принято, если оно подтверждено и должно быть отклонено, если оно бросает вызов другой части того же текста. В этом смысле внутренние текстовые согласованности контролируют все иные интерпретации читателей» (Эко, 1990: 181). Вычленив эти согласованности – задача эксперта.

Литература

1. Абушенко В.Л. Чтение // Постмодернизм. Энциклопедия. – М.: Книжный Дом, 2001. - 1040 с.
2. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979 – 424 с.
3. Веккер Л.М. Психические процессы. Мышление и интеллект.- Л.: ЛГУ, 1976. – Т. 2. – 344 с.
4. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения в тридцати девяти томах. - М.: Государственное издательство политической литературы, 1954. - Т. 20.
5. Лотман Ю.М. Текст как семиотическая проблема // История и типология русской культуры. - СПб: Искусство-СПБ, 2002. – С. 158 – 220.
6. Маклюэн М. Галактика Гуттенберга: Становление человека печатающего. – М.: Академический Проект: Фонд «Мир», 2005. – 496 с.
7. Никитина Е.С. Текст в диалогах // Вопросы психолингвистики, 2011. - №1(13). - М., 2011. - С. 140 - 151.
8. Ориген. "О Началах"- «РА» На основе издания Казанской духовной академии, 1899 г., Самара. Перевод – латинский. - [Электронный ресурс]. – Электронные данные. Режим доступа: <http://www.litportal.ru/...17143.html>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. русский, дата обращения 02.01.12.
9. Розеншток-Хюсси О. Избранное: Язык рода человеческого. – М.; СПб: Университетская книга, 2000. – 608 с.
10. Химическая Энциклопедия. [Электронный ресурс] – Электрон. данные. – Режим доступа: http://www.ximuk.ru.Химическая_энциклопедия>2650.html, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус., дата обращения 02.02.12.
11. Яковлев А.А. Что является объектом понимания? // Загадка человеческого понимания. – М.: Политиздат, 1991. – 352 с.
12. Umberto Eco. Interpretation and Overinterpretation: World, History, Texts. – The Tanner Lectures on Human Values. Delivered at Clare Hall, Cambridge University March 7 and 8, 1990. - P. 141 - 202.

References

1. Abushenko V.L. Reading // Postmodernism. Encyclopedia. – M.: Book House, 2001. – 1040 p.
2. Bakhtin M.M. Aesthetics of verbal creativity. – M. Arts, 1979 – 424 p.
3. Vekker L.M. Mental processes. Thinking and intelligence. – L.: LSU, 1976. - Vol. 2. – 344 p.
4. Marx K. Engels F. Collected Works in thirty-nine volumes. – Moscow: State Publishing House of Political Literature, 1954. – Vol. 20.
5. Lotman Y.M. Text as a semiotic problem // History and typology of Russian culture. – St. Petersburg: Art-St. Petersburg, 2002. – p. 158-220.
6. McLuhan M. Gutenberg Galaxy: Becoming Human printing. – M.: Academic Project: The "World", 2005. – 496 p.
7. Nikitina E.S. Text in dialogs // Questions of psycholinguistics, 2011. – № 1 (13). – M., 2011. – p. 140-151.

8. Origen. "The Beginnings" – "RA" On the basis of the publication of the Kazan Theological Academy, 1899, Samara. Translation – Latin. – [Electronic resource]. – Electronic data. Mode of access: <http://www.litportal.ru/...17143.html>, free. – Caps. from the screen. – Lang. Russian, date of access 02.01.12.
9. Rosenstock-Huussy O. Favourites: Language of the human race. – Moscow, St. Petersburg: University Book, 2000. – 608 p.
10. Chemical Encyclopedia. [Electronic resource] – Electronic. data. – Mode of access: http://www.xumuk.ru.Himicheskaya_encyclopedia/2650.html, free. – Caps. from the screen. – Lang. Rus., date of access 02.02.12.
11. Yakovlev A.A. What is the object of understanding? // The Riddle of human understanding. – M. Politizdat, 1991. – 352 p.
12. Umberto Eco. Interpretation and Overinterpretation: World, History, Texts. – The Tanner Lectures on Human Values. Delivered at Clare Hall, Cambridge University March 7 and 8, 1990. – p. 141-202.

(0,7 п.л.)